

ПРИВЫЧКА РУССКАЯ СВОЙ КРЕСТ НЕСТИ...

СТИХИ

Андрей ГАЛАМАГА

Родился в 1958 году. Выпускник Литературного института им. Горького. Член Союза писателей России. Автор шести книг: стихотворений, пьес, киносценариев, художественных переводов. Лауреат всероссийского творческого конкурса произведений о Великой Отечественной войне «Дороги фронтовые — узелки на память» (2020). Дипломант Литературной премии имени первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству» (2022). Лауреат XIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2022). Живёт в Москве.

* * *

Привычка русская свой крест нести —
Ни исповедать, ни постичь её —
От ощущения бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба — святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

* * *

Юрию Константиновичу Баранову

Мы успели родиться на шестой части суши —
На восток до Камчатки и до Кушки на юг.
Мы умели смеяться и играть без игрушек
И не всякого сразу допускали в свой круг.

Мы сбежали с уроков на футбольное поле;
Мастерили ракеты из конфетной фольги,
И таинственный запах бертолетовой соли
Ни химчистки, ни стирки одолеть не могли.

Мы не ждали послушно, когда стукнет шестнадцать,
И на взрослые фильмы пробирались в кино.
Мы с пелёнок учились ничего не бояться
И не верить, что будет — чему быть суждено.

Мы чуть свет выбирались из постылой постели,
Каждый день продлевая хоть на крохотный час;
Мы быстрее взрослели, потому что хотели
До поставленной цели доходить каждый раз.

Мы от края до края по земле колесили,
От Карпат до Байкала всё нам было — своё.
Мы страну, где родились, называли Россией
С бóльшим правом, чем нынче называют её.

Где-то строились башни, где-то рушились стены;
Мир дробился на части и кроился по швам.
Мы сумели не согнуться через все перемены,
И, кому было трудно, шли по нашим следам.

Мы ни совесть, ни веру никогда не попрали.
Что нам новый порядок или старая власть.
Если мы в этом мире до сих пор не пропали,
То, уж будьте надёжны, нам и впредь не пропасть.

МОЯ ВЯТКА

Русь склонить под рукою владычней
Порешил патриарший престол.
Мои предки, чтя древний обычай,
В те поры уклонились в раскол.

Непокорные старообрядцы
От гонений скрывались в скитах
И осели по землям по вятским,
Не продав свою совесть за страх.

Не сломили их беды и бури,
Жизнь вилась над избою дымком;
Ведь не зря мой прапрадед Меркурий
Основательным слыл мужиком.

Век бы жить им, молясь да не хмурясь,
Обустривать дом свой ладком.
Только видишь, как всё обернулось,
Когда грянул нечаемый гром.

Не спасла моих прадедов Вятка,
Тут уж поздно — крестись, не крестись;
Те, кого не смело без остатка,
Кто куда по Руси разбрелись.

Жить по чести, случалось, непросто:
Хоть умри, а душой не криви, —
Но всегда выручало упорство,
Что у каждого было в крови.

Хотя я не бунтарь бесшабашный —
Не буяню, интриг не плету,
Не усердствую в спорах, — однажды
Мне становится невмоготу.

Не по вере — по жизни раскольник,
Не терплю самозваную знать;
Что поделаешь, вятские корни
Всё нет-нет, а дают себя знать.

Хоть с сумою, да что-нибудь стою;
Предкам-старообрядцам под стать —
Я всегда шёл дорогой прямою,
А упрямства мне не занимать.

Жизнь качала, трясла и кружила,
Но дорога казалась гладка,
И текла в переполненных жилах
Заповедная Вятка-река.

СНЕГ В КРЫМУ

В горах сгустилась пелена,
Какой не чаяли вначале,
И сумерки средь бела дня
Непредсказуемо настали.

Сплошной завесой снег упал;
Кругом — не видно на полшага.
В снегу Ангарский перевал,
В снегу отроги Чатыр-Дага.

Зима сошла во всей красе,
А с нею спорить не годится;
По обе стороны шоссе
Машин застыла вереница.

Но чувствовалось, что вот-вот
Природа сменит гнев на милость;
И я прошёл пешком вперёд,
Туда, где небо прояснилось.

Я вглядывался из-под век
Вслед унявшейся стихии,
Вдыхая первозданный снег,
Простой, привычный снег России.

* * *

Она сидела и скучала,
Откинувшись к диванной спинке,
И из салфеток вырезала
Восьмиконечные снежинки.

Подрагивал огонь огарка,
И было не до разговора.
Лишь ножнички сверкали ярко
Из маникюрного набора.

Так длилось с полчаса примерно.
Она вставать не торопилась.
Я никогда не знал наверно,
Что на уме её творилось.

Чему-то молча улыбалась
И, как рождественская сказка,
Прекрасней ангела казалась
Согревшаяся кареглазка.

Рок, над которым был не властен,
Я пробовал умилосердить
И бесконечно верил в счастье,
Как верит праведник в бессмертье.

О Боже, как я был беспечен,
Мне было ничего не надо,
Кроме сошедшего под вечер
Рождественского снегопада.

Снежинки кружевом бумажным
Стелились по полу лениво,
Как в фильме короткометражном
Из довоенного архива.

Понять, что происходит с нею,
Я всё пытался сквозь потёмки.
Но становилось лишь мутнее
Изображение на плёнке.

И я сознался, что навряд ли
Смогу остановить мгновенье.
Едва мелькнув в последнем кадре,
Она исчезла в затемненье.

* * *

Тень не напускаю на плетень я:
Дни постылы, сны давно пусты —
Безнадёжный пленник вдохновенья
И заложник женской красоты.

Сотни раз встречал её во сне я,
Тысячу ночей провёл без сна;
Точно чувствовал, что встреча с нею
Вечностью предопределена.

Лето начинало с подмалёвка,
Нанося неброские штрихи.
Как река, Большая Пироговка
Не спеша втекала в Лужники.

Образ той, что снилась мне ночами,
Я переносил на чистый лист
И, когда мы встретились случайно,
Различил её из тысяч лиц.

Только был — предупреждением свыше —
Странный сон, как окрик: берегись!
Будто с нею мы стоим на крыше
И она соскальзывает вниз.

Знал бы я, чем сон мой обернётся,
Бросил ли я вызов небесам?
Кто умён — всегда остережётся;
Только я был молод и упрям.

Верил: что бы ни случилось с нею,
Все напасти я перелистну.
И любил её стократ сильнее,
Вопреки приснившемуся сну.

Но судьбу не провести с наскока,
Обух плетью не перешибёшь...
Осень надвигается до срока,
К вечеру пойдёт, возможно, дождь.

Я один. Один за всё в ответе,
Сплю я или грежу наяву.
По Хамовникам гуляет ветер,
Разгоняя стылую листву.

УСАДЬБА

Солнце июльское нынче особенно злое.
Нас не смутить. Мы отправимся в путь поутру.
Тула, Москва и Орёл изнывают от зноя;
А в Лутовинове — рай, несмотря на жару.

Тает дорога, вот-вот уж приехать пора нам;
Только чуть-чуть потерпеть — на несчётной версте
Светлые контуры стройного Спасского храма
За поворотом возникнут во всей красоте.

И неожиданно необратимое время
Вспять потечёт и волной увлечёт за собой,
Где неподвижная сень двухсотлетних деревьев
Нас от несносного солнца укроет листвою.

Скрытой тропинкою среди кустов и корней
Неторопливо уйдём с проторённых аллей;
Может быть, этой тропинкой влюблённый Тургенев
Савину в сад уводил от докучных гостей.

Тут ей в подарок поднёс драгоценные серьги;
Трелью своей соловей отозвался вдали.
Савинский пруд обогнув, добредём до беседки,
Где признавался писатель актрисе в любви.

Кажется, будто при нас это происходило;
Но не хватает лишь малости: вот бы узнать,
Вот бы услышать, какие слова находил он,
Чтобы красавице чувства свои передать.

Знаю, признание его не остыло поныне,
Пусть своей цели писатель вполне не достиг.
Вспомним Ивана Сергеевича и подыдем
Полные рюмки — за русский свободный язык.

ПОРТРЕТ ОТЦА

Меня воспитывал отец.
Он не умел давать поблажки
И попускать мои промашки
Отказывался наотрез.

Случись порой созорничать,
Он на меня глядел сурово;
И я за дело и за слово
Учился с детства отвечать.

А провинись в серьёзном чем —
Бессмысленно давить на жалость,
Отец тогда, как полагалось,
Учил по-дедовски — ремнём.

Его мне не в чем упрекнуть;
Я был не в меру избалован,
И приходилось быть суровым,
Чтобы на путь меня вернуть.

Я с возрастом постиг вполне,
Хотя и осознал не сразу:
Я одному отцу обязан
Всем, что есть лучшего во мне.

Я вырос лёгок на подъём,
Зазря не ввязывался в споры
И взял за правило простое —
Всегда ходить прямым путём.

От корня прорастает ствол;
И чем прочнее связь — тем круче.
Урок, что в детстве был получен,
Меня ни разу не подвёл.

И если б хоть на краткий миг
Отец внезапно возвратился,
Он бы, я думаю, гордился
Всем, чего сын его достиг.

Я с ним беседую порой;
По-прежнему он рядом где-то
И с карандашного портрета
Следит заботливо за мной.

* * *

Блажен, кто умер, думая о Боге,
В кругу благовоспитанных детей.
А я умру, как гонщик, на дороге,
С заклинившей коробкой скоростей.

Я равнодушен к почестям, наградам,
К тому, чтоб их любой ценой добыть.
Но раньше ты была со мною рядом,
И я с тобой — не мог не победить.

Как верный штурман, с самого начала
За каждый поворот и перевал
На трассе ты без страха отвечала,
И я беспрекословно доверял.

Не верю, что ты просто испугалась.
Но как-то раз, без видимых причин,
Ты не пришла, сославшись на усталость,
И я остался без тебя один.

Мне не достало чуточку удачи.
Но, помнишь, мой небесный знак — Стрелец.
И я достигну верхней передачи
И всё из жизни выжму под конец.

И мне не будет за себя обидно,
Я гонку честно до конца доведл.
И если я погибну, то — погибну
С педалью газа — до упора в пол.

* * *

Его стая для славы растила,
Он привык побеждать. Но теперь
Кровь сочится в траву, и насилу
Рыщет по лесу раненый зверь.

На мгновенье он выпал из круга,
И, стыдливо потупив глаза,
От него отвернулась подруга,
От него отказались друзья.

Только смерть где-то рядом, всё ближе,
Шаг за шагом. Чего ожидать?
Он матёрый, он знает, как выжить.
Он не знает, зачем выживать.

Лишь мучительно чует, что это
Исключительно волчий вопрос,
И, пока не получит ответа,
Он не сможет бороться всерьёз.

На границе звериного лога
Он приляжет на хвойный настил.
Он поверил бы в волчьего бога,
Если б тот за него отомстил.

Он не станетлизывать раны,
Гнать страдание, гордость и стыд
И умрёт оттого, что упрямо
Пораженья себе не простит.

КАНУН

Туман в низинах расстился пеленою,
Внезапный ветер набегал и пропадал;
И до утра, готовясь к завтрашнему бою,
Не спал в сраженьях закалённый генерал.

Рассвет всё ближе. Но, покуда час не пробил,
Он зорким взглядом обводил притихший стан;
То тут, то там мелькал его орлиный профиль,
И все бесшумно расходились по местам.

Он на зубок усвоил истины простые:
Не лгать, не трусить, не сдаваться, не стонать.
Он знал доподлинно, как велика Россия,
И доброй волею не стал бы отступить.

Пристало ль русским перед пулями склоняться,
Когда на знамени — нерукотворный Спас!
Мы насмерть встанем за родную землю, братцы,
И вместе выживем. А впрочем, как Бог даст.

Пусть грянет бой, какой от века был едва ли,
Пусть супостату будет белый свет немил;
Чтоб через двести лет потомки вспоминали
Тех, кто за Родину себя не пощадил.

Он не застанет час, когда под вечер смолкнут
Орудий залпы, посвист пуль, снарядов вой.
Он будет гордо умирать, шальным осколком
Смертельно раненный в атаке роковой.

Светлело небо в ожидании восхода;
Вот-вот над полем вспыхнет первая заря.
Начало осени двенадцатого года.
Грузинский князь — на службе русского царя.

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ

*Памяти девушек 46-го Гвардейского
авиаполка посвящается*

Напрасно вы нас ведьмами прозвали.
Вам ведьмы сроду были нипочём;
Столетиями легко вы побеждали,
Пытая их железом и огнём.

Зря скалите озлобленные пасти,
Всё будет по-другому в этот раз;
Железо и огонь — не в вашей власти,
Теперь они обрушатся на вас.

За каждое земное злодеянье
Вы приговорены нести ответ.
Мы, девушки, — небесные созданья,
Но для врага — страшней ста тысяч ведьм.

Нас голыми руками не возьмёте,
Когда прожекторам наперекор
Бесшумно мы на бреющем полёте
На цель заходим, заглушив мотор.

Кто сманит нас благополучным раем?
На восемьдесят бед — один ответ!
И даже если в небе мы стораем,
Тем, кто за нами, — пролагаем след.

Бессильны ваши ненависть и злоба.
Мы тут, мы там, вокруг — со всех сторон.
Хоть не сомкните глаз, смотрите в оба,
Мы наяву — ваш самый страшный сон.

И вам нигде не отыскать спасенья —
Забившись в щель, ползком иль на бегу.
Нет, мы не ведьмы, мы — богини мщенья,
Не знающие жалости к врагу.